

РОМАН СЕНЧИН

Роман Сенчин

ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ

Роман

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 31

Художник *Светлана Филиппова*

Картина, использованная на переплете,
написана специально для этой книги

Дизайн переплета — *Ирина Сальникова*

Сенчин, Роман Валерьевич.

С 31 Зона затопления : роман / Роман Сенчин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 381, [3] с. — (Проза Романа Сенчина).

ISBN 978-5-17-089482-6

У Романа Сенчина репутация автора, который мастерски ставит острые социальные вопросы и обладает своим ярко выраженным стилем. Лауреат и финалист премий «Большая книга», «Русский Букер», «Национальный бестселлер», «Ясная Поляна».

В новом романе «Зона затопления» жителей старинных сибирских деревень в спешном порядке переселяют в город — на этом месте будет Богучанская ГЭС. Автор не боится параллели с «Прощанием с Матерой», посвящение Валентину Распутину открывает роман. Люди «зоны» — среди них и потомственные крестьяне, и высланные в сталинские времена, обретшие здесь малую родину, — не верят, протестуют, смиряются, бунтуют. Два мира: уходящая под воду Атлантида народной жизни и бездушная машина новой бюрократии...

Премия «Большая книга».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089482-6

© Сенчин Р.В.
© ООО «Издательство АСТ»

Валентину Григорьевичу Распутину

Глава первая
ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Привет, Володь, пять минут уделить можешь?

— Да, могу... А что случилось?

— Ничего-ничего, все нормально... Идейка тут возникла одна.

— Толя, у меня от твоих идей всегда мороз по коже...

— Да ничего страшного. Я по Красноярскому краю езжу, и тут, оказывается, есть ГЭС-недостройчик...

— Хм, у нас, если не ошибаюсь, больше десятка таких.

— Ну вот. А эта практически готова. Процентом на шестьдесят. Бросили в начале девяностых. Плотина почти закончена, машинные залы... В общем, довести до ума ничего не стоит.

— Знаю я твое «ничего не стоит».

— Нет-нет, Володь, на этот раз действительно! Вложиться, конечно, придется, но не так чтобы...

— А зачем? Нам электричества не хватает, что ли? Ты сам докладывал о мощностях...

— Смотря на что, Володь... Если рекламу и елочки расцветить, то — да. Но... Электричество можно и продавать... иностранным партнерам. Там Китай недалеко, уверен, они заинтересуются.

- Китайцы сами полсотни электростанций строят.
- Ничего, им мало не будет... Алюминиевый завод поставим. Алюминий везде востребован...
- Тебе бы лишь торговать.
- Ну, без этого нельзя — рынок. А главное-то не в этом, Володь.
- А в чем?
- Понимаешь, Володь, пуск новой ГЭС, причем мощной, стратегической, — это такой имиджевый плюс! Сколько лет, типа, всё разрушали да разрушали, высасывали советское наследство, а вот теперь взяли и созиднули в конце концов. Сами, своими руками!.. А, как?
- Не знаю... Разумно, конечно...
- А то! Толя плохого не посоветует.
- Еще бы...
- Так как, принимаешь предложение?
- Хм, такие вопросы так не решаются. Не телефонный разговор...
- Да почему? Наоборот, телефонный. Для этого телефоны и изобрели... Не с грамоткой месяц скакать с берегов Енисея... Давай, Володя, так: я набросаю указ, а ты потом глянешь...
- Какой указ?
- Ну, типа, «О мерах по социально-экономическому развитию Красноярского края». И главным пунктом сделаем пуск ГЭС, строительство алюминиевого завода. Типа, это даст ощутимый толчок развитию... Человечкам работу дадим. Смотреть страшно на них. Болтаются...
- А что за место вообще? Национальный округ какой-нибудь?
- Нет-нет, русские!

— Ну, хоть это нормально. А то опять вони не обещешь: оленьи пастбища портим, традиционный уклад нарушаем...

— Это твоих нефтяников дела. У меня чисто: электроэнергия. Плотины, пруд, и погнал вырабатывать...

— Да уж... И что, переселять кого-то придется?

— В смысле?

— Ну — пруд. Знаю я эти пруды со Швейцарию.

— Там уж в восьмидесятые почти всех переселили. Осталось тысяч пять. Маргиналы да пенсы. Еще несколько колоний — специально в свое время туда на поселение отправляли, территорию под водохранилище готовить.

— И как, приготовили?

— Да говорю: почти все готово. Я бы к тебе с сомнительным проектом и не совался... Давай, Володь, дай отмашку.

— И кто будет доводить до ума?

— В плане денег?

— Ну а в каком еще?..

— Часть мое РАО будет вкладывать, часть, думаю, надо на Олешку повесить.

— На какого Олешку?

— Ну, на Баняску. Он же у нас алюминиевым королем назначен. Хочет еще алюминия — пускай инвестирует.

— Заартачится. Ему и существующих заводов хватает.

— От возможности расти никто не отказывался. Тем более можно надавить. У тебя ведь на него много накоплено. Не захочет — поедет или в Европу от дел отдыхать, или в Забайкалье куда-нибудь шить носки. Прецеденты-то есть.

— У меня на всех накоплено...

— Да понимаю, понимаю. У меня тоже, кстати... Ну, в правильном смысле... К тому же Олежек меня киданул недавно, надо, чтоб отработал.

— И что, у вас хватит собственных средств ГЭС построить?

— Достроить, Володь, до-стро-ить. Все только рады будут, благодарны. Без дураков!.. А деньги найдем...

— Угу, в госбюжете. Или в стабфонде. Алеша истерику закатит.

— Гарантирую, туда не полезем. В крайнем случае воспользуемся английским правом...

— Это что еще?

— Ну, это долго объяснять... Сложный экономический термин...

— Так-так, началось.

— Нет, Володь, никаких этих самых, как тут в Сибири говорят. Всё в рамках рыночной экономики... Алло?

— Думаю... А кому будет принадлежать ГЭС в итоге?

— А кому у нас все принадлежит, Володь?.. Все будет правильно. И Михал Иваныча не забудем.

— Но-но!

— А что, все мы люди, Володь. Ничто человеческое не должно быть нам чуждо... Но в первую очередь нужно думать об общем деле. Мы ведь хотим видеть Россию встроенной в общемировое пространство.

— У, перестань... Вообще-то, конечно, если верить твоим словам, проект интересный.

— И интересный, и полезный. Тебе, Володь, в первую очередь полезный. Войдешь в историю России... Алло, Володь, ты куда пропал?

— Что ж, можно попробовать.

— «Попробовать»... Это слово должно исчезнуть из твоего лексикона. Нужно тверже быть. «Решить», «сделать», «реализовать»!

— Все-все, перестань. И так голова пухнет.

— В общем, пишу рыбу указа, а ты Баняску подготавли. Пускай впрягается.

— Может, посоветоваться, собрать специалистов?

— Да что ж это?! Советская власть десять лет уж кончилась, а ты все — «посоветоваться». Скажи еще, политбюро собрать. Дело надо делать, Володь, а не советоваться... Ты для дела Россию на руки поднял.

— Толя, я устал тебя слушать. Даю добро, и — пока.

— Спасибо! До связи!

Глава вторая

В ЧУЖУЮ ЗЕМЛЮ

В первых числах сентября умерла Наталья Сергеевна Привалихина.

Лето проковырялась на огороде, до заморозков успела всё, кроме капусты, убрать, просушить, засахарить и засолить, спустить в подполье, а потом упала на крыльце. Долго лежала, собираясь с силами и соображая, куда ей — в избу или за ограду. Конечно, лучше в избу, лечь на койку... А если уже не поднимется? И будет лежать без воды, обмарается; а умрет, так и запахнет, весь дом пропитается мертвым. Люди-то неизвестно когда хватятся... Рано или поздно, конечно, заметят, что что-то давно ее не видать, придут, а она уж... Носы позажимают.

И потому, как немного отлегло, Наталья Сергеевна встала на карачки и поползла по двору к калитке. Куры наблюдали за ней, а петух возмущенно вскрикнул и дернул шеей... Добравшись, цепляясь за жердину, скобу ручки, она поднялась, открыла калитку, высунулась на улицу.

Этот кусочек мира был ей знаком до незамечаемости. Каждый день, больше полувека, как переехала сюда к мужу, она выходила через эту калитку со двора то за водой к колодцу, то в магазин, то выгоняла

корову, то звала сначала детей, а потом внуков есть. И вроде не видела избы вдоль улицы, заборы, ворота, траву, но, если менялась хоть какая-нибудь мелочь — отваливалась штакетина в палисаднике у Мерзляковых, или наличники у Гусиных покрывались свежей краской, или скашивалась крапива вдоль чьего-то забора, — это сразу бросалось в глаза, и потом мысли долго возвращались к этой мелочи: «Надо своему сказать, чтоб подбил ограду... крапиву срезать... надо краску достать да тоже покрасить — облупилась... Через неделю покрашу — сразу не надо, скажут: “Наташка очнулась, когда другие сделали...”»

И сейчас она стояла, покачиваясь, в проеме калитки, держась одной рукой за скобу, другой — за деревянный ящик для почты (сильно на него опираться боялась — рассыплется), и жадно смотрела на эти две видимые ей избы по правую сторону, на серые глухие заборы, на красные листья черемухи в палисадниках, на темно-зеленые, почти синие шапки сосен на пригорке, где было кладбище...

Конец улицы упирался в реку, на берегу были мостки. Их каждый май ломало, корежило ледоходом, и мужики потом без ворчания, как нечто естественное, что не сделать невозможно, их восстанавливали... Женщины полоскали на мостках белье, брали воду для скотины и бани, а раньше — пока не появились насосы, которые по трубам и шлангам гнали ее почти по всем дворам деревни, — и для огорода... Мужики с мостков рыбачили; раньше хорошо рыба шла — ельцов и за рыбу не считали, а радовались ленкам, хариусу. Часто и таймень попадался.

Был случай давно-давно: старуха Гусина, покойница, а тогда молодая, жулькала постирушки, а сын

годовалый на берегу играл. На траве. Берег покатый, вода мелкая, заводь — течения нет... Гусина полоскала-полоскала, глаза поднимает — ребенок исчез. Бегала искала, все дно ощупала — не нашла... Мужики сбежались, до темноты чесали реку... Потом старики сказали: «Таймень утащил». И как-то все, и Гусина тоже, не то чтоб успокоились, а притихли: да, дескать, если таймень утащил, то ничего не поделаешь.

Лет пятьдесят назад это случилось, а словно года три назад. И Наталья Сергеевна сейчас почувствовала себя той почти девчонкой, которая только-только оторвалась от родителей, познала мужчину, а теперь вот, видя горе соседки, поняла, что постоянно надо быть настороже, ребенок может кануть и так — в двух шагах от матери, спокойно играющий на травке...

Потянулась кверху, чтоб увидеть реку, но не увидела. Удивилась: когда-то, стоило открыть калитку, и река поблескивала чешуей течения, слепила, а потом незаметно скрылась с глаз — перестала Наталья Сергеевна встречать ее взглядом. То ли бугор улицы перед спуском подрос, то ли она сама уменьшилась в росте, согнулась так, что хоть затянись — не вытянешься.

«Хоть бы прошел кто», — просила, чувствуя, что силы снова кончаются, ноги гнутся и скоро перестанут держать.

Не то чтобы у нее что-то болело, лопнуло, оборвалось внутри, как это, знала, слышала, бывает перед смертью у многих стариков. Не раз приходилось сидеть у коек с умирающими, и те обстоятельно, с досадой и увлечением делились последним опытом: «Шла по огороду, и гляжу — из морковки лебедина торчит. Вчера еще как не было, а тут прям будыльё. Ну и наклонилась выдернуть. Да неловко, походя.

И в глазах черная вода разлилась, в уши как затычки воткнули. И — всё. Не помню, как сюды принесли, уложили. Теперь уже всё, уже не подняться. Не подняться... Черт пихнул эту травину увидеть». Или такое: «Не лежала ведь душа выходить, да делать-то нечего — надо лесины эти ошкурить было... Эх, дорого они мне стали. Вот и они лежат, и я...»

Нет, боли или обрыва она не чувствовала. То есть — побаливала, конечно, спина, колени, над висками покальвало, дышать было трудно, и при каждом вдохе в груди словно бы хрустело. Но это все привычное, все это болело и хрустело давно. А вот слабость...

Слабость была новая, необычная, полная какая-то слабость. Как вышло что-то изнутри важное, необходимое, то, что заставляло семьдесят с лишним лет шевелиться. День за днем, день за днем... И сейчас даже шагу не шагнешь, руку не приподнимешь. И, знала, никакой фельдшерицын укол, как раньше, уже не поможет.

Стояла между двором и улицей десять минут или час. Не было больше у нее того органа чувств, который меряет время. В голове крутился плотной спиралью вихрь не мыслей, не воспоминаний, а каких-то обрывков, ошметков... Вот стало очень обидно, что капусту не успела убрать, засолить. Уже и терку достала, и кадка готова — осталось только ошпарить и спустить в подполье обратно... Два ведра мелкой морковки намыла, теперь издрябнет, пропадет... Пугала мысль, сообщат ли детям, внукам, брату, чтоб ехали хоронить. Адреса под клеенкой на кухонном столе — соседи должны догадаться, найти — у многих под клеенками важные бумаги хранятся... И в телефоне есть номера, телефон на буфете... Разберутся... Но как им, детям, внукам, ехать такую даль?.. Брат рядом, в Ку-